

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ДИНОЗАВРЫ

Дмитрий Емец

ГОРОД ДИНОЗАВРОВ

Дмитрий Александрович Емец

Город динозавров

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145181
Дмитрий Емец. Город динозавров: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-83226-2*

Аннотация

Вы мечтали увидеть живых динозавров?! Пожалуйста. Настоящие динозавры летают над Кремлем, плавают в Москве-реке, носятся друг за другом по улицам и проспектам. Ужас для взрослых, радость для детей и большая проблема для Макса – московского школьника из весьма необычной семьи. Ведь динозавры родились в его доме и стали его друзьями. И теперь ему необходимо найти для них... параллельный мир, где они будут чувствовать себя в безопасности.

Содержание

Вступление	4
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Емец

Город динозавров

Вступление

МОСКВА ЮРСКОГО ПЕРИОДА

*Вы когда-нибудь бывали в Москве? Тот, кто бывал в ней хоть раз, не забудет ее никогда. Одной из главных достопримечательностей столицы являются разгуливающие по улицам динозавры.
Путеводитель XXI века*

Сейчас, в начале XXI века, как и семьдесят миллионов лет назад, по планете бродят динозавры. Кажется, время повернуло вспять – и Землю вновь заселили эти доисторические исполины! По дну Москвы-реки бродит бронтозавр, периодически на поверхности появляется его маленькая голова, и ноздри ящера со свистом всасывают воздух в гигантские легкие. А неподалеку, в районе Крымского моста, два диплодока с любопытством вытягивают длинные шеи и прислушиваются к шуму проносащихся по мосту автомобилей. Изредка, услышав вдали хриловатую, вибрирующую сирену теплохода, они откликаются на нее глухим ревом, доносящимся до самого Кремля.

По проезжей части Нового Арбата, не обращая внимания на автомобильное движение, шествует парочка бронированных стегозавров с чешуйчатými наростами на спинах. В небе, выискивая добычу, в потоках воздуха парят птеродактили и рамфоринхи, зорко всматриваясь вниз: не мелькнет ли где спина зазевавшейся раскормленной болонки. Трицератопс – упрямый бронированный гигант – преградил дорогу грузовику, выпятил три длинных рога и ревет, требуя, чтобы тот убрался с его пути.

Недавно по телевизору передавали, что тиранозавра, разгуливавшего в районе многоэтажек на Баррикадной, удалось заманить на территорию зоопарка с помощью коровы, за которой погнался проголодавшийся великан. Предыдущая попытка, когда тиранозавра пытались оттеснить к зоопарку, обливая струями ледяной воды из пожарных шлангов, закончилась тем, что тиранозавр опрокинул две пожарные машины и загнал в канализационный люк бригадира пожарных.

Едва тиранозавр оказался на территории зоопарка, ворота заперли, а за оградой выставили двойной милицейский кордон. Наиболее редкие животные из вольеров были вывезены еще раньше, поэтому остались лишь несколько зубров, жираф с верблюдом и голодный тирекс.

Оказавшись в зоопарке, тиранозавр почему-то сохранил жизнь корове, которую преследовал, но вместо нее съел зубра и верблюда. Зная аппетиты ящера, я предупреждаю, что верблюдом он не ограничится! Зубр для него, как говорит

моя сестра Нюсяка, все равно что маленький бутербродик.

Кроме хищных ящеров, развелось много мелких. Небольшие хищные летозавры врываются в магазины и, не церемонясь, хватают продукты. Неуклюжие паразауролофы питаются в основном в мусорниках, а юркие дилофозавры ухитряются ловить кошек и собак или выпрашивать еду у людей. Не упомянул я ламбеозавров, игуанодона, анкилозавров и многих других, с которыми сталкиваешься на многих столичных улицах. А некоторые динозавры, я уверен, добрались и до Подмосковья.

Никто точно не знает, откуда в столице взялись доисторические ящеры, и на этот счет строятся самые невероятные предположения. Одни говорят, что динозавры – это объемные галлюцинации, другие винят экологию, третьи связывают это со смещением времени и биологических часов. И лишь я знаю точно, что произошло и как доисторические ящеры оказались в Москве в начале XXI века.

На самом деле я слегка преувеличил, сказав, что ответ на столь волнующий всех вопрос знаю один лишь я. Кроме меня, он известен папе, маме, бабушке и Нюсяке, хотя она в пять лет еще мало что может связно изложить.

Сейчас Москва стала похожа на скалистую, с каменистыми каньонами долину юрского периода. Динозавры остановили движение на многих улицах города, а некоторые дома пострадали от толчков многотонных ящеров. Правда, динозавры не нападают на людей, но кто знает, что будет завтра,

ведь среди них есть и хищники!

Но я ничего толком не объяснил, а лишь все запутал. Чтобы распутать клубок странных совпадений и загадок, я начну описывать события в той последовательности, в которой они происходили. Это единственный способ объяснить, почему в нашем XXI веке на Земле вновь появились динозавры. Приготовьтесь к самому невероятному! Во многое будет трудно поверить, но я нигде даже на миллиметр не отойду от истины!

Прежде чем начать рассказ, я познакомлю вас со своей семьей. Узнав ее, вам будет понятнее, как случилось, что по улицам Москвы стали разгуливать доисторические ящеры.

Глава 1

НАША СЕМЕЙКА

– А людей динозавры едят?

– Только тех, кто любит задавать idiotские вопросы.

Из разговоров на улице

Все члены моей семьи всегда отличались странностями. Начнем с того, что моя сестра Нюсяка очень любит мыло. Причем любит... нет, не мыться, а жевать! Сейчас, когда я печатаю на компьютере эти строки, она преспокойно стоит у окна и грызет большой кусок мыла. Нюсяка умяла уже полкуса и теперь периодически икает, пуская пузыри. Сколько раз мама ей говорила, что мыло нужно запивать шампунем, иначе наживешь язву, но сестра такая же упрямая, как папа и я. Это наша семейная черта.

Нюсяка владеет телекинезом, то есть способностью силой мысли перемещать или переносить с места на место небольшие предметы, не дотрагиваясь до них, а просто фокусируя взгляд. Она не совсем освоила этот метод, но дразнить ее я никому не советую. Как-то за обедом шутки ради вместо «малоежки» я назвал сестру «мЫлоежкой», и вдруг тарелка с супом взлетела и суп вылился мне на голову. Нюсяка потом клялась, что не хотела телекинировать тарелку, а только

подумала: «Ну и противный же Макс, вот бы надеть ему на голову тарелку!» В ту же секунду я имел тарелку на голове вместо шляпы и растерянно снимал капусту с ушей.

У сестры, которую на самом деле зовут Ариной, есть и второе домашнее прозвище – Мартышка Чича. Она получила его из-за удивительной, почти обезьяньей ловкости, благодаря которой с легкостью забирается на верхушку дерева или по водосточной трубе на крышу. Когда Чича была совсем маленькой, она как-то проглотила бусинку и утверждала, что шарик катается у нее в пятке.

Нюсяка не единственное наше семейное чудо, и в этом легко убедиться, если заглянуть в ванную. В ней дедушка развел пираний и плавает среди них, очень похожий на морского царя с белой бородой. Вы, разумеется, не хуже меня знаете, что пираньи – зубастые рыбы, которые стаяй за считанные минуты могут обглодать до костей антилопу, но дедушку они не трогают. Он утверждает, что у него с ними мирное соглашение.

Объясняется все просто: мой дедушка – амфибия. Как многие двоякодышащие, в водной среде он чувствует себя лучше, чем на воздухе, потому что кожа амфибий всегда должна оставаться влажной. Вот дедушка и предпочитает сидеть целыми днями в ванной. При этом ему совершенно безразлично, что ванна может понадобиться и для других целей, но, как истинный философ, наш старик не обращает внимания на такие пустяки.

Весной и летом мы иногда отвозим дедушку на подмосковные водохранилища, чтобы он мог поплавать на просторе и поразмяться. В холодное время года, чтобы доставить ему удовольствие, мы водили старичка в бассейн, но там сразу поднимается паника: люди решают, что дедушка утонул. А он неподвижно, как утопленник, лежит на дне и размышляет о всяких вечных вещах: мироздании, Вселенной и бытии. К старости дед стал философом. Но многие не понимают важности его рассуждений и начинают выволакивать старичка из бассейна и делать ему искусственное дыхание. «Нужно было взять с собой в бассейн пираний! Эти зануды спасатели мигом бы отстали!» – ворчит в таких случаях дедушка.

Пару раз, когда на нашего старика напала хандра и мы ему надоедали, он собирался переселиться в Мировой океан, но его останавливало, что там не будет его любимого майонеза «Провансаль», который дедушка съедает по семь банок в день.

Для того чтобы увидеть другое семейное чудо, нужно выйти из ванной и заглянуть в комнату. Там, в кресле, у компьютера, вторую неделю сидит мумия моего папы, и никому до этого дела нет. Могли хотя бы вынести мумию на балкон, чтобы она не пылилась, а никто из наших и пальцем не пошевелил! Всем наплевать, что по квартире разбросаны мумии, – вот чему я удивляюсь! Когда мама делает уборку квартиры, она пылесосит отца и вытирает его влажной тряпкой. «То, что папа – мумия, еще не повод, чтобы он плохо

выглядел!» – говорит она.

Они довольно часто ссорятся, но, когда он становится мумией, мама начинает его жалеть. Этим она значительно отличается от Нюсяки, которая недавно сидела возле папы с тапочкой в руке и караулила, пока ему на голову сядет муха, чтобы ее прихлопнуть.

Что касается меня, я всегда скучаю, когда папа мумифицируется. Он сидит тихий, бездыханный и забывает обо всех изобретениях. Жизнь у нас тогда становится скучной и однообразной, как в болоте. В такие минуты я утешаю себя, что через недельку-другую мумия треснет, и папа выйдет из нее голодный, полный жажды деятельности и побежит на кухню, интересуясь содержимым холодильника.

По правде говоря, я слегка преувеличил, потому что отец становится не мумией, а чем-то вроде кокона, внутри которого происходит обновление клеток его организма. Одним словом, обычная регенерация, вроде нового хвоста у ящериц или кожи у змей. «Мумией» мы дразним папу по-семейному, так намного смешнее, чем говорить всякий раз, что он регенерирует. Трудно вспомнить, кто первым назвал так отца – то ли мама, то ли бабушка, то ли Нюсяка. У нас в семье все острословы.

Если же описывать характер моего папы в обычное время, когда он не в спячке, все можно выразить одним словом – изобретатель. Каждый раз после регенерации он воодушевляется и начинает придумывать поразительные вещи. Чего

стоят очки, которые позволяли увидеть мир таким, каким его видит таракан! А знаменитый идеальный вид транспорта, который папа назвал «прыговиком»!

Постараюсь объяснить принцип работы «прыговика», как я его понял. Вы слышали, что Земля вертится вокруг своей оси со скоростью нескольких километров в секунду? Представьте, что, когда вы подпрыгиваете, Земля прокручивается у вас под ногами и вы приземляетесь совсем в другом месте. «Почему же этого не происходит на самом деле?» – спросите вы. Потому что наше тело и вся атмосфера, которые обладают инерцией, вращаются в ту же сторону, что и Земля.

Над этим папа и бился, стараясь нейтрализовать относительно «прыговика» скорость вращения Земли так, чтобы, пока планета вращается, «прыговик» оставался неподвижен. Папа был на пороге открытия, но у него не хватило какой-то важной детали, что помешало ему завершить работу.

Хотя он и великий изобретатель, у него с техникой вечно происходят роковые случайности, и это одна из причин того, что мы вообще оказались на Земле. Но обо всем по порядку, а пока продолжим знакомство с моей семейкой.

На кухне с демонстративным грохотом мама моет посуду. Делает она это специально, упрекая нас, чтобы все слышали, что она занимается хозяйством в ту минуту, когда остальные бездельничают. Иногда Нюсяка начинает помогать маме, но все обычно заканчивается тем, что сестра выпивает всю мыльную жидкость для мытья посуды, разбивает две-

три тарелки и от огорчения, что у нее ничего не получается, съедает мочалку.

После того как мама и Нюсяка в порыве хозяйственного рвения перебьют всю посуду, приходится покупать новую. Хорошо, что у нас на балконе в ящике для овощей осталось с десяток килограммовых золотых слитков, которые папа отлил в копирователе до того, как мумифицировался.

За домашними заботами у мамы почти не остается времени полетать. Да и летать приходится осторожно, потому что ее принимают за ведьму. Но это полнейшая чушь, потому что ведьмы летают с помелом, а мама без всякого подсобного инвентаря. Она объясняет это тем, что слышит импульсы солнечных лучей, которые позволяют ей перемещаться по воздуху со скоростью до двух тысяч километров в час.

Мама рассказывала, что как-то подлетела к военному истребителю, который выполнял фигуры высшего пилотажа, и из озорства постучала в стекло пилоту, а тот, увидев ее, от ужаса катапультировался. «Я не хотела его пугать, не думала, что он такой нервный», – жалела она потом.

Однажды папа занялся подсчетами и заявил, что с точки зрения земной физики мама летать не может, потому что у нее нет подъемной тяги и это вообще противоречит законам аэродинамики.

– Как же тебе удастся летать? – спросил он.

– Не знаю, – пожалала плечами она. – Хочу и летаю.

– Ты вся в этом! – возмутился папа. – Хочешь и летаешь,

а на то, что опровергаешь физику, тебе плевать!

– Запомни раз и навсегда: женщина вне логики и вне физики! – заявила мама, и эти слова прозвучали как ее девиз.

Вторая гордость мамы – ее волосы, густые, пышные, которые вырастают у нее чуть ли не на десять сантиметров в день. С такой копной масса возни, но, когда мама летит, а позади нее ветер раздувает распущенные волосы, от нее глаз не оторвешь. В такие минуты я понимаю, что наша мама красавица, и вспоминаю немецкую легенду о принцессе Лорелей, которая сидела на скале и расчесывала волосы, такие длинные, что они струились со скалы как водопад.

Теперь, хоть мне и неохота, придется написать что-нибудь о себе. Во всем нашем семействе я – личность наименее интересная. Вначале мои родители думали, что я получился самым обыкновенным и не унаследовал никаких наших семейных странностей, и ужасно радовались.

Правда, они удивлялись, почему я быстро ломаю игрушки, но, в конце концов, это успешно делают многие дети. Но когда мне было полтора года, папа забыл возле моей кровати толстый строительный гвоздь – он тогда увлекался алхимией и превращал гвозди в горный хрусталь, правда, у него не особенно получалось. А я взял гвоздь, стал вертеть и завязал его узлом. Два года спустя, когда мне было четыре, я то же самое проделал с толстенной трубой от батареи, предварительно отодрав ее от стены. Короче говоря, пришлось посмотреть правде в глаза – я родился очень сильным, на-

столько сильным, что приходится это скрывать.

В школе меня считают тихоней! Дело в том, что я с трудом соизмеряю свою силу, поэтому избегаю даже шуточных потасовок. Как-то, когда мы отдыхали в деревне, я решил слегка похлопать быка по боку, а тот взял и опрокинулся. Но с динозавром у меня такой номер вряд ли пройдет, хвастаться не буду. Я еще мог бороться с ним, когда он был намного меньше и весил килограммов двести – двести пятьдесят. Кстати, это я первый догадался подкладывать динозавренку протеин, используемый культуристами, когда копирователь перестал справляться с синтезированием огромного количества говядины.

Я понимаю, что удивительные возможности нашей семьи вызовут у вас недоверие. «Какая чушь! – скажете вы. – Такое не может проделать ни один землянин!» Но в том-то и дело, что мы не земляне, хотя и живем среди вас и внешне (если не считать отсутствия пупка) полностью на вас похожи. Наша настоящая родина находится от Земли на расстоянии семи или восьми световых лет. Там, в созвездии Овна, есть небольшая звезда – Карра, а наша планета, Ирксилон, четвертая по счету.

Вообще-то я не должен был об этом писать. Мама велит нам держать все в тайне, потому что, если кто-нибудь узнает, что мы инопланетяне, – начнутся неприятности. Но я решил рискнуть. На всякий случай я изменю наши имена и фамилию, так же как и других героев повествования. Если же

случится, что кто-нибудь из людей, описанных в этой книге, – соседи, учителя, мои одноклассники, например Икса или Урсуфьев с Рыловым (в жизни у них другие имена), – узнают себя, то не смогут ничего доказать.

Прежде чем начать описывать всю череду необыкновенных событий, предшествующих наступлению на Земле нового юрского периода, я отвечу на некоторые вопросы, которые могут у вас возникнуть.

Как же случилось, что мы покинули свою родную планету Ирксилон в системе звезды Карра и оказались на Земле?

Во-первых, хочу сказать, что никакие мы не космические шпионы и на Земле оказались случайно. Просто с нашей семьей всегда происходили невероятные истории. Это у нас фамильное.

Наш маленький звездолет – дедушка утверждает, что это была старая развалина, – направлялся совсем в другую часть Млечного Пути: на Колдион-II, где у нас была небольшая дачка, но попал в пространственный вихрь, сбился с курса и упал в сибирской тайге. Случилось это около ста двадцати лет назад. Тогда автопилот, который папа неудачно пытался усовершенствовать, не учел сопротивления земной атмосферы и неправильно зашел на посадку.

Небольшой экипаж – мама, папа и дедушка – остались живы и здоровы, но при ударе о грунт сгорел импульсник. Я плохо разбираюсь в устройстве звездолетов и точно не знаю, что такое импульсник и как он устроен, но родители гово-

рят, что без него выходить в космос бессмысленно, потому что все равно никуда не долетишь. Передатчик при падении разбился, и вызвать спасателей было нельзя. А так как планеты Земля нет ни на одной из вселенских звездных карт (она просто никем не открыта), то шанс, что экипаж ищут и найдут, равен нулю.

Но мы считаем, что родителям повезло. Ведь свались наш звездолет на Юпитер, Марс, Сатурн или любую другую планету Солнечной системы, никого из нас не было бы в живых. Судьба оказалась к приземлившимся более чем благосклонна: им подошли и земная вода, и воздух, и температурный режим, хотя на Ирксилоне год несколько длиннее и равен двум земным. К тому же внешне отец и мать невероятно похожи на землян. Разумеется, это не относится к дедушке, который как представитель амфибий имеет ряд существенных отличий: перепонки на пальцах рук и ног, чешую и третий глаз на голове.

Мы с сестрой родились уже на Земле и поэтому скучаем по Ирксилону гораздо меньше, чем родители. Попав на эту планету, они сразу изменили свои имена, чтобы не поразить землян их необычностью.

Дедушка из Апручуна стал Аристархом Данилычем, мама из Леедлы – Галиной Степановной, только папа из упрямства как был Фриттом, так им и остался, а заодно, перепутав, превратил придуманную мамой фамилию «Иванчук» в отчество. Потом мы спохватились, но отец был слишком ленив,

чтобы переделывать фальшивые документы. Так что зовут моего папу очень странно – Фритт Иванчукевич. Но мы отчество опускаем, и для нас папа как был, так и остался Фриттом.

Звездолет, сто лет назад доставивший родителей с Иркислона, мы с Нюсякой видели лишь однажды – прошлым летом. Тогда мы долетели до озера Байкал и, чтобы не привлекать внимания, четыре дня пробирались пешком по тайге, пользуясь компасом и картой. Места там влажные, болотистые, и комаров – тучи. Хорошо, что папа умеет издавать кожей тончайший свист, который мы не слышим, но от него комары падают замертво.

В непролазной чаще нам показали звездолет. Лежит такая сигарообразная штука размером с троллейбус, и нос у нее до половины воткнулся в землю. Вокруг все заросло елками, да так, что, не зная, не найдешь.

– Надо посмотреть, все ли в порядке внутри. Последний раз мы были здесь задолго до вашего рождения. Ну-ка, Макс, открой люк! – сказала мне мама.

Она-то знает, что у нас в семье я самый сильный. Я навалился и стал дергать люк. Один раз дернул, другой – ничего не получается. Нюсяка ехидно стала на меня поглядывать, и я, чтоб не ударить в грязь лицом, напрягся и дернул изо всей силы. Тут люк поддался и оторвался с куском стальной обшивки. Я от неожиданности не устоял на ногах и растянулся, держа в руках люк.

– Хм! Знаешь, Макс, а вообще-то он в другую сторону открывался, – задумчиво сказал Фритт.

У меня такое с дверями часто получается. Как-то в школе не могли дверь открыть, перекосило ее, что ли. Я стал дергать и открыл... в другую сторону, вырвав петли.

Я учусь в 7-м классе одной из московских школ. Раньше, когда я в нее поступал, школа была самой обыкновенной, а потом один класс сделали математическим, другой – литературным, а третий – экологическим, и я попал в последний. Причем как-то загадочно получилось, что в математическом и литературном классах оказались отличники и хорошисты, а у нас – троечники, или, как насмеялась моя сестра, одни «экологи».

Мама стала просить дедушку – он у нас телепат, – чтобы Апручун явился во сне директору и загипнотизировал бы его перевести меня в математический класс. «Что за безобразие! – возмущалась она. – Наша цивилизация на сто миллионов лет древнее земной, а моего единственного сына зачихнули в тупой класс!»

Дедушка пообещал Леедле, что приснится директору, и действительно старался, но у него ничего не получилось. «Слишком толстые стенки черепа, к сознанию никак не пробиться!» – оправдывался он.

«Что ж, видно, природа, поработав в родителях, отдыхает в детях, – горько сказала тогда мама. – Телохранителем Макс и без образования станет, а вместо подписи можно и крестик

ставить».

«Не буду я телохранителем, я стану армреслингистом! Или уйду в пауэрлифтинг!» – возмутился я. Эти виды спорта меня тогда особенно привлекали. Для тех же, кто не знает названий, поясню, что армреслинг – борьба на руках, а пауэрлифтинг – силовое многоборье: жим лежа, приседания со штангой и толчок грифа вверх.

Так я и остался в экологическом классе, но мне, по правде говоря, это нравится, потому что ребята у нас в основном хорошие и девчонки симпатичные.

Если на меня родители махнули рукой, то моей сестрой Нюсякой они гордятся. Нюсяке всего пять лет, но она читает довольно толстые книжки, и мама даже стала учить ее английскому. Правда, они не продвинулись дальше «Уот из ё нэйм?», но видно, что сестра – одаренный ребенок. Целыми днями Нюсяка болтает и перестает, только ложась спать. Тогда в нашем доме воцаряется долгожданная тишина, и слышно, как булькает в ванной дедушка, а на балконе постукивают поршни папиного вечного двигателя.

Но что-то я отвлекся. Пора переходить к основной истории и появлению динозавров. А эта идея пришла к папе, когда он однажды купил газету...

Глава 2

МЫ ПОХИЩАЕМ ИЗ МУЗЕЯ ЯЙЦО ТИРАНОЗАВРА

– Барбос, скажи что-нибудь умное!

– Гав!

– Правильно, пес! Краткость – сестра таланта.

Из разговора мудреца с собакой

Это утро за завтраком, опустошив баночки три майонеза, дедушка сообщил, что решил разводиться в нашей городской квартире крокодилов. Его часто осеняли подобные озарения, и поэтому это никого особенно не насторожило. Нюсяка слегка хихикнула, представив, как крокодилы ползают по коридору.

– Я так мыслю, – сказал дедушка, разгуливая по кухне и оставляя мокрые следы от лап. – Что любят крокодилы? Крокодилы любят две вещи: первое – сырость и второе – солнце. Вот как я мыслю!

– А Нюсяк они не любят? – спросил я, слегка беспокоясь за свою младшую сестру.

Дедушка отжал влажную бороду и хмыкнул:

– Нюсяк они любят, но в хорошем смысле.

– Как это «в хорошем смысле»? – заинтересовалась сестра.

– Не едят на обед, – пояснил я.

– Но ведь, кроме обедов, у крокодилов есть завтраки и ужины, – робко вставила Нюсяка.

– Ась? Ничего не слышу! – раздраженно переспросил дедушка.

Иногда, когда ему не хочется отвечать, он притворяется глухим и слепым, хотя слух у него отличный, а зрение, как у снайпера. Уж меня-то не проведешь!

– Где ты возьмешь сырьсть? – спросила мама.

Дедушка снова хотел прикинуться и сказать «Ась?», но раздумал и пояснил:

– Можно купить переносной детский бассейн и пересадить в него пираний. Тогда для крокодилов освободится место в ванной.

В конце концов совместными усилиями Апручуна удалось отговорить от разведения крокодилов, и он, недовольный, удалился кормить своих зубастых рыб кусочками мяса.

В кухню ворвался папа. Он был настолько взволнован, что ничего не мог произнести, только потрясал свернутой в трубку газетой. По одному виду папы мы поняли, что его озарила очередная «великая идея».

Мама незаметно вздохнула и чуть-чуть взлетела над полом, что было обычной реакцией на озарения Фритта. Каждый раз, когда папа выходил из спячки, он начинал проявлять немислимую активность, особенно в первые недели. Должно быть, происходило это потому, что, пока он пребы-

вал в состоянии сна, у него накапливалась куча энергии, которая стремилась выйти наружу.

– Как вы можете сидеть на месте и спокойно есть? Вы читали... читали? Это же переворот! Настоящий переворот! – закричал Фритт.

Я выхватил у него газету, развернул, но ничего необычного не обнаружил. Политика, интервью со знаменитостями, прогноз погоды, программа телевидения и другие материалы, встречающиеся в прессе. Раздосадованный моей тупостью, папа нетерпеливо ткнул пальцем в угол газеты, где была крошечная, всего в десяток строк, заметка.

– Читай вслух! – велел он.

Привожу то, что я прочел, слово в слово. Вырезка у меня сохранилась.

НЕОБЫЧНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

С 10 января по 20 марта в помещении Исторического музея будет работать выставка «Палеонтология XXI века». В экспозиции представлены кости доисторических животных, раковины со дна океана и уникальная растительность, сохранившаяся в песчаных плитах геологических отложений. Возраст некоторых находок уникален – с юрского периода (приблизительно 200 млн. лет назад) до конца мелового периода (около 70 млн. лет назад).

Лучшим экспонатом выставки по праву считается пол-

ный скелет брахиозавра, кости которого были найдены при раскопках на горе Тендагуру в Африке. В экспозиции представлено великолепно сохранившееся яйцо тираннозавра.

* * *

– И что вы об этом думаете? – взволнованно спросил папа, когда я закончил чтение.

– Скелет брахиозавра – это интересно. Но стоит ли ради него тащиться на выставку? У меня в компьютере лучше смоделировано.

Надо сказать, я знал, о чем говорил. Меня всегда интересовали динозавры, и я собирал о них книги и компьютерные энциклопедии. Даже в интернетовскую сеть залезал, чтобы поискать что-нибудь новенькое. Я помню наизусть огромное число названий видов динозавров: не только тираннозавров, бронтозавров и стегозавров, известных каждому, но и плезиозавров, маменшизавров, анкилозавров, протоцератопсов и игуанодонтов.

– Кому нужен этот дурацкий скелет? Если бы речь шла об одном скелете, я бы внимания не обратил! Я думаю, твои мать и сестра сразу сообразили, ради чего я показал эту заметку! – вспыхнул Фритт. Он выхватил у меня газету и показал маме и Нюсяке.

Те заглянули в нее, явно ничего не поняли, но на всякий случай сделали понимающие лица. Уж что-что, а это они

умеют. Хитрости им не занимать.

– Очень интересная заметка, и литературный стиль исключительный... Не ожидала такого от землян, все-таки наш народ старше их на сто миллионов лет! – глубокомысленно отметила мама, делая вид, что читает статью, но глядя на другую страницу, где было интервью с известной певицей.

– Только ты, папа, мог такое придумать! – польстила отцу Нюсяка и незаметно показала мне язык.

– Вот видишь! Она понимает! – просиял Фритт. – Понимает, что мы немедленно должны проникнуть в музей и похитить яйцо тираннозавра!

Едва папа это произнес, как послышался хрипящий кашель. Мама внезапно подавилась кусочком яблока.

– Похитить яйцо тираннозавра? – переспросила она, когда вновь смогла говорить. – Ты спятил?

Признаться, я очень удивился, хотя сама идея с похищением показалась мне интересной. Я по своей натуре люблю опасности и приключения, но не ожидал того же от папы.

– Вы что-нибудь слышали о клонировании? – продолжал отец. – Даже если яйцо полностью окаменело, то всего по нескольким сохранившимся клеткам можно воссоздать организм и сделать его точную копию.

– Разве это делается не по крови? – спросил я, смутно что-то припоминая.

Кажется, в фильме «Парк юрского периода», который я когда-то смотрел, размножали динозавров похожим спосо-

бом. Тогда люди нашли в застывшем янтаре комаров, насосавшихся крови динозавров, и по клеткам воспроизвели и самих гигантских ящеров.

– Полная чушь! – отмахнулся папа. – Даже если такое возможно, попробуй найди комара, которого угораздило сразу после обеда сесть в смолу! Яйцо гораздо лучше подходит для клонирования.

– И что ты собираешься делать? Из одного динозавриного яйца склонировать много яиц и всю жизнь питаться гигантской яичницей? – иронично поинтересовалась мама.

Отец вскочил, глубоко вдохнул в легкие воздух и торжественно произнес ту самую фразу, которая впоследствии многое изменила в истории земной науки:

– Зачем клонировать динозавриные яйца! Мы будем клонировать готовых динозавров!

– Клонировать тирексов?! Почему бы и нет?! – воскликнул я, мгновенно проникаясь этой авантюрой.

Тогда я не догадывался, к чему приведет эта затея, но ее размах меня впечатлил.

– Конечно, безопаснее было бы потренироваться на динозаврах поменьше, но, раз нашли яйцо тирекса, придется начать с него! – решительно сказал папа.

Из ванной раздался возмущенный плеск, и дверь слегка скрипнула. Наш любопытный дедушка, как обычно, подслушивал. Апрчун был возмущен до глубины души: ему не разрешили разводить крокодилов, а сами собираются клониро-

вать тирексов.

– Мало нам было пираний! – простонала мама. – О боги, боги!

Но в ее голосе слышалось смирение. Она чувствовала, что нас ей не отговорить.

И мама оказалась права. На другой день рано утром, тщательно обдумав детали, мы с папой собрались и отправились в Исторический музей похищать яйцо тирекса. Нюсяка вначале хотела остаться дома, но потом увязалась с нами. Ей тирексы не нравились, но ужасно хотелось принять участие в похищении. Как и многие девчонки, моя сестренка – особа авантюрная.

План кражи был предельно прост. Мы собирались обойтись без ночного взлома и перестрелок с охраной, а придумали кое-что похитрее. Фритт заранее подготовил точную копию яйца, и все, что от нас требовалось, – быстро и ловко подменить настоящее яйцо на фальшивое.

Правда, существовали пуленепробиваемая витрина и сигнализация, но папа сказал, что с этим он легко справится. Тут, конечно, не обошлось без знаменитой семейной фразы о том, что наша цивилизация все-таки на сто миллионов лет старше земной и многие технические секреты, раскрытые нами, землянам станут известны через сотни лет.

Когда мы втроем – я и Нюсяка за руку с папой – шли к метро, нам встретился мой одноклассник Мишка Урсуфьев. Он тоже «эколог», а это означает, что его средняя четвертая

отметка – три целых и ноль десятых балла. Урсуфьев считает себя самым крутым во всех седьмых и даже восьмых классах, очевидно, потому, что занимается в секции ушу.

Когда мы его встретили, он шел на горку кататься на снегокате, а в руке у него была сигарета, которую он спрятал от моего папы, но с гордостью продемонстрировал мне.

Нюсяка с Фриттом прошли вперед, а я остановился рядом с Мишкой.

– Куда претешь? – поинтересовался он.

– В музей, – ответил я, не уточняя, разумеется, зачем.

– На выставку? Значит, под умного косишь? – Урсуфьев презрительно сплюнул в сугроб и щелчком отправил окурок на проезжую часть.

Чувствовалось, что поход в музей не прибавил мне в его глазах авторитета, а, наоборот, я потерял то небольшое, что было.

– На той неделе я коричневый пояс должен получить! – похвастался Мишка, помолчав немного. – У нас будут соревнования и показательная программа.

– Классно! Завидую! – равнодушно сказал я.

Видимо, Урсуфьеву не понравилось, как я отнесся к его сообщению, потому что он толкнул ногой снегокат.

– Значит, завидуешь? Хочешь, я тебе удар покажу? Называется «лапа леопарда», – предложил он и без предупреждения довольно резко ударил меня рукой куда-то в область солнечного сплетения.

Я ровным счетом ничего не почувствовал, даже не шелохнулся, и Мишка пораженно уставился на меня. Он стукнул меня в живот еще два или три раза, но безо всякого эффекта. Для меня эти удары были слабыми, будто кто-то бросал мне в живот волейбольный мяч.

– Я не в полную силу! В полную силу ты бы мог потерять сознание, а отвечать мне неохота! – быстро нашелся Урсуфьев, видимо, решивший, что на мне слишком толстая зимняя одежда, смягчавшая удары.

– Разумеется, убил бы. Все-таки не хухры-мухры, а «лапа леопарда»! – насмешливо согласился с ним я, отлично понимая, что Мишка бил изо всех сил.

– Ну ты, не зазнавайся! Хочешь, ударь меня в корпус! У меня «железная рубашка» – мускулатура, нечувствительная к боли! Мы на тренировках нарабатываем! – предложил он, явно желая как-то восстановить подорванный престиж.

– Да уж куда нам, лопухам, против «железной рубашки», – отказался я, взглянув, далеко ли ушли Нюсяка с папой.

И, махнув Урсуфьеву, я побежал догонять своих. Отбежав на приличное расстояние, я вспомнил удар «лапой леопарда», и мне стало интересно, смогу ли и я провести такой. Удостоверившись, что рядом никого не видно, я подошел к столбу и резко ткнул в него кулаком на уровне груди. В результате я довольно сильно ушиб кулак, даже содрал с него кожу, но со столбом ничего не произошло. Я разочарованно пожал плечами и помчался за Нюсякой и папой, которые по-

дошли к метро.

Отбежав шагов на десять, я услышал позади какой-то треск и обернулся. Громадный столб, вывороченный с куском асфальта, падал на газон, обрывая провода.

Я почувствовал раскаяние. Честно говоря, если бы знал, что сломаю его, никогда не применил бы «лапу леопарда».

И искренне порадовался, что не поддался искушению ударить в живот Урсуфьева хотя бы и в треть силы. Сделай я это, юный ушуист вряд ли получит коричневый пояс, вернувшись из реанимации.

Я быстро побежал к своим.

– Ты нас задерживаешь! – недовольно сказал Фритт.

Вид у него был сосредоточенный, как у матерого грабителя музеев, зато лицо сестренки лучилось счастьем. Она была страшна довольна, что идет «на дело».

Вскоре мы были у Исторического музея. Там мы купили билеты, разделись в гардеробе и стали подниматься по ступенькам. На потолке были портреты русских князей и царей, начиная от Игоря и Ольги до Николая II. Нюсяка, задрав голову, стала их рассматривать, но я потянул ее за рукав.

– Не тащи меня! – плаксиво сказала она, возмущенная таким бесцеремонным обращением. – Идите сами воруйте, а я посмотрю!

Мне показалось, что ее голос разнесся по всем залам и все на нас уставились. Вот что значит, когда у страха глаза велики.

Мы быстро прошли через два зала с глиняной посудой, копьями и украшениями, ненадолго задержались перед картиной, на которой пещерные люди охотились на мамонтов, и оказались у экспозиции «Палеонтология XXI века».

В зале было довольнолюдно, и все толпились у скелета брахиозавра, который был таким огромным, что занимал весь этот зал и часть соседнего. Помню, что тогда величина скелета меня потрясла, но когда я сейчас смотрю в окно, то понимаю, что тот ящер был не из крупных. По сравнению с диплодоком, который в эту минуту заглядывает в наше окно на восьмом этаже, тот был просто младенцем. Что-то он слишком пристально на меня смотрит! Спасайся, кто мо...

Пишу пять минут спустя. Все в порядке. Диплодок ушел, лишь выдавив мордой стекло, осколки которого валяются теперь на полу. Не стоило его бояться, ведь он не хищник, но, когда такая махина сует морду в твое окно, об этом как-то забываешь...

Подменить яйцо тираннозавра оказалось совсем просто. У витрины, в которой оно было выставлено, на стуле сидела дежурная по залу. Это была вполне милая старушка, а не громадный подозрительный охранник в бронежилете, но не могли же мы похитить экспонат у нее на глазах!

Мы находились в затруднении, но тут нам неожиданно помогла Нюсяка. Когда сестра захочет, она проявляет уникальную хитрость. Она подошла к дежурной и заревела, причем очень убедительно.

– Что с тобой, деточка? Ты потерялась? – встревожилась старушка.

Сестра закивала, размазывая по лицу слезы:

– По-потеря-алась!

– А где твои родители?

– Не-не знаю! – захныкала Нюсяка.

Дежурная некоторое время колебалась, а потом взяла ее за руку.

– Давай пройдем с тобой по залам и поищем их! – предложила она, и они ушли. Удаляясь, Нюсяка на мгновение обернулась и хитро подмигнула нам.

– Ну и лиса! Не будь она моей дочерью, я бы поверил, что она действительно потерялась. Чтоб я с сегодняшнего дня верил ее капризам?! – пробормотал Фритт.

Он быстро огляделся и незаметно вытащил из кармана пиджака прибор, который вчера собирал весь вечер. Прибор замерцал, и из него появился зеленый луч, который будто расплавил стекло витрины.

– Давай, Макс! – кивнул мне Фритт.

Ощувив легкое покалывание, я быстро сунул руку в витрину, вытащил яйцо тираннозавра, весившее килограммов десять, и подменил его фальшивым, которое мы принесли с собой. Поддельное яйцо немного отличалось от настоящего по цвету, но вряд ли кто-нибудь стал бы особенно приглядываться. Во всяком случае, до сих пор я не слышал, что эту подмену кто-нибудь обнаружил. Когда я вытащил из витри-

ны руку, папа выключил прибор, и стекло восстановилось, будто не было никакой дыры.

– Как это тебе удалось? Ты же его расплавил! – поразился я, когда мы спрятали яйцо в рюкзак, подвязанный у папы под пиджаком так, что казалось, будто Фритт просто пузатый.

Но с другой стороны, мало ли на свете полных мужчин средних лет?

– Ничего я не расплавлял! Я отодвинул материю на несколько мгновений в будущее, а потом вернул на место, – объяснил папа.

Честно говоря, я не очень понял, как ему это удалось, но у меня не было времени расспрашивать подробнее.

Никто не заметил, как произошла подмена, и настоящее яйцо тираннозавра оказалось у нас. После похищения мы с папой разделились. Он как ни в чем не бывало направился к выходу из музея, а я обошел несколько залов и в одном из них обнаружил Нюсяку, которая ходила со старушкой дежурной в поисках «потерявшихся» родителей.

Я взглянул на Нюсяку, и эта хитрая мартышка, сообразив, что все в порядке, громко заорала: «Вон! Вон мой брат!» – и кинулась ко мне. Дежурная обрадовалась, что девочка нашлась, и, хорошенько отчитав меня, направилась в свой зал. Мы же с сестренкой побежали за папой, который был уже в гардеробе. Никаких чрезвычайных происшествий по дороге домой с нами не случилось, и вскоре мы благополучно положили похищенное яйцо тирекса на стол в большой комнате.

Я на всю жизнь запомнил этот волнующий момент. Вокруг яйца столпилась вся наша семья – я, папа с мамой, Нюсяка и дедушка, ради такого случая вылезший из ванной и пришлепавший, чтобы все осуждать и портить всем настроение.

– И что теперь? Будете его высиживать? – издевательски спросил Апручун и чихнул от смеха в мокрую бороду.

Папа таинственно посмотрел на дедушку и маму, ярых противников своей затеи, подошел к шкафу и с видом фокусника, достающего из шляпы кролика, потянул дверцу. Стоило нам увидеть, что было внутри, как все удивленно воскликнули: «Ого!»

В шкафу размещался невообразимо сложный прибор, состоящий из тысяч деталей. И что удивительно, мы представления не имели, когда папа успел его собрать.

– Вот и мой «высиживатель»! – с гордостью сказал Фритт. – Стоит поместить в него несколько клеток – и через три недели у нас будет готовый маленький тирекс.

– Боже! – тихо сказала мама и прислонилась к стене.

– Блеск! – воскликнула Нюсяка.

– М-м-м... А как называется эта штука? – подозрительно хмурясь, спросил дедушка.

– Вначале я хотел назвать его «клонизатор» – от слова «клонировать», но назвал просто «Дино» – это от слова «динозавр»...

Глава 3

НЕ В ЗОЛОТЫХ СЛИТКАХ СЧАСТЬЕ

Все мое, сказала золото;

Все мое, сказал булат.

Все куплю, сказала золото;

Все возьму, сказал булат.

А.С. Пушкин

В тот же вечер папа расколочил окаменевшее яйцо на две половинки и с немалым трудом сумел восстановить по хромосомному набору одну из клеток зародыша. Он поместил ее в капсулу с питательной средой, а капсулу вложил в мудреный прибор. «Дино» немедленно закудахтал, как курица, и в нем ритмично стали вращаться лопасти.

– Вентилятор обеспечивает нормальную циркуляцию воздуха и следит, чтобы зародыш не перегрелся, – объяснил папа. Он выставил таймер на пятьсот три часа, что соответствовало трем неделям, и закрыл дверцу.

Не успел он отойти от прибора на шаг, как шкаф вздрогнул, покачнулся и продолжал вибрировать с равной частотой, будто в нем кто-то сидел и барабанил кулаком, требуя, чтобы его выпустили.

– Д-динозавр вылутился! А-а, боюсь! – пронзительно за-

вопила Нюсяка и молнией метнулась за мою спину, с любопытством выглядывая из своего укрытия.

Когда сестре страшно, она всегда ищет защиты именно у меня как у самого надежного и сильного, что мне, признаюсь, льстит.

Мама побледнела и на всякий случай слегка взлетела над полом. Я удивленно посмотрел на папу: неужели так быстро? Он сказал пятьсот три часа, а не прошло и десяти секунд.

Шкаф вновь вздрогнул, и стекла в серванте задрожали, будто началось землетрясение.

– Не волнуйтесь! Это биение сердца, – объяснил Фритт.

– Биение чьего сердца? – испуганно спросила мама, вообразив, какой величины вырастет тот, чье сердце в младенчестве бьется, как колокол.

– Биение сердца взрослого тирекса. Я установил специальный динамик, который через заданный промежуток издает звук, напоминающий работу сердца матери.

– Но зачем? – спросила Нюсяка.

– Думаю, отложив яйцо, тираннозавриха была поблизости и охраняла его от желающих полакомиться. Зародыш слышал биение сердца и не испытывал стресса.

– Зато я испытываю стресс! – нервно сказал дедушка. – Мне мерещится, что в нашем шкафу заперт шахтер с отбойным молотком.

– И ты, дед, утверждаешь, что глухой! Как же ты слышишь? – поинтересовалась Нюсяка.

Дедушка, пойманный с поличным, смущенно кашлянул и, шлепая лапами, гордо удалился в свою ванную. Когда Апручун ушел, папа мечтательно провел ладонью по вздрагивающему шкафу.

– Пройдут всего три недели, и у нас дома будет тирекс! – радостно произнес он, явно думая всех обрадовать.

Но в восторг пришел лишь я и чуть-чуть Нюсяка. Мама от этих слов застонала, словно у нее разболелся зуб. Она, как и дедушка, всегда была против этой затеи, и то, что сейчас перед нашими окнами пронесся птеродактиль с широко расставленными кожистыми крыльями, не ее вина.

– Совсем недолго осталось! Главное – набраться терпения! – уговаривая всех, повторил папа и обвел кружком число на календаре, когда по его подсчетам должен был появиться маленький тираннозавр.

Я на всю жизнь запомнил неровно обведенное красной ручкой число – третье февраля.

– Ждем-с! – подражая старинному этикету, сказал я.

И действительно, я ждал с большим нетерпением...

* * *

...Прошла неделя. Мы привыкли, что шкаф непрерывно грохочет, и перестали обращать на это внимание. Клонирование клеток протекало, согласно графику. Папа несколько раз разрешал мне смотреть во встроенный микроскоп, и я

наблюдал, как происходит деление клеток. Думаю, ни в одной научной лаборатории мира в эти недели не происходили опыты важнее, чем в нашей четырехкомнатной квартире на восьмом этаже.

Чтобы образование зародыша шло быстрее, папа облучал клетки зеленоватыми У-лучами. Они давно известны на нашей планете, но еще не открыты на Земле. Никакого вреда зародышу облучение не причинило, но все равно оказалось, что не стоило этого делать. После облучения наш тираннозавренок стал увеличиваться с умопомрачительной скоростью.

В середине второй недели произошло событие, едва не закончившееся крахом эксперимента. Дело в том, что к нам в квартиру забрались вору...

Это произошло из-за того, что мама очень рассеянна. Она часто теряет ключи, и, чтобы не делать каждый раз дубликаты, папа отштамповал штук сто ключей и развесил по всей квартире, а оставшиеся ссыпал в старый таз и задвинул под кровать. Мама один ключ потеряет, другой возьмет и радуется.

Но в тот день она потеряла не только ключ. В магазине у нее разрезали сумочку, где, кроме кошелька, лежал килограммовый слиток золота, который она захватила с собой на тот случай, если денег не хватит. Вы скажете, что на Земле таскать с собой золото килограммами не принято, но мама не считается с условностями. К пропаже куска золота она

отнеслась с полнейшим равнодушием, сокрушалась лишь о своей записной книжке со множеством нужных телефонов. «Зачем, спрашивается, им моя записная книжка? Им она не нужна, а я не смогу никому позвонить!» – сердилась она.

Но мама напрасно волновалась, что записная книжка похитителям не пригодится, ведь на первой странице был записан наш адрес. Видимо, когда к карманникам попал золотой слиток и они убедились, что он настоящий, воры установили за нашей квартирой слежку, сообразив, что в ней можно найти немалые богатства.

Грабителей было двое. Мы так и не узнали их имена, но, чтобы как-то их отличать, я назову одного Толстым, а другого Скелетом. Возможно, в воровском мире у них другие клички, но Толстый и правда был ожиревшим, а Скелет – тощим, сутулым и носил черную вязаную шапку, которую на двигал на глаза.

Вскоре Толстый и Скелет выяснили, что в квартире проживают четверо: папа, мама, Нюсяка и я. Про дедушку они ничего не знали, потому что он никогда никуда не выходил, а бултыхался в ванной, возясь с пираньями.

Однажды утром Толстый и Скелет дождались, когда квартира опустела. Я ушел в школу, папа поехал за запасным вентиляторным ремнем для «Дино», а мама повела Нюсяку в музыкальную школу. По лестнице, не пользуясь лифтом, воры пробрались к дверям квартиры и вставили ключ, который украли у мамы. Ключ подошел, потому что замок мы, разу-

меется, не сменили. Для дедушки как для телепата не было секретом, что в квартиру крадутся грабители, но он даже обрадовался им, надеясь, что они стащат папину установку по клонированию динозавров и эксперимент, который дед считал дурацким, прекратится.

Воры вошли в квартиру и прислушались. Все как будто было тихо.

– Никого? – спросил Толстый.

– Все чисто, – ответил Скелет. – Ищем деньги, а барахло будем брать потом. Усек?

Прошло несколько секунд, и в шкафу раздался грохот, а стены завибрировали от биения динозавриного сердца. Оба жулика переглянулись и метнулись к дверям, но, видя, что за ними никто не гонится, осторожно заглянули в большую комнату.

– Ты слышал? Там кто-то есть! – с опаской сказал Скелет.

– Не глухой! Сам слышу! – огрызнулся Толстый.

– Может, это сигнализация? – предположил Скелет. – В прошлом году я работал по дачам, так один подводник установил корабельную сирену. Только мы взломали дверь, сирена как завоет, у одного разрыв сердца случился, он на полу и остался! Мы ноги в руки – и деру!

Решив отключить то, что он считал сигнализацией, Скелет уверенно подошел к шкафу и потянул дверцу, но папа всегда ее закрывал. Он боялся, что мы с Нюсякой можем на что-нибудь нажать на установке и этим прервем процесс кло-

нирования.

Не успел Скелет взломать дверцу, подсунув под нее локтик, как Толстый восхищенно присвистнул. Он открыл один из ящиков стола, где у мамы лежали бриллианты. Несколько дней назад она стала жаловаться, что у нас заканчиваются деньги, и папа наштамповал для нее литровую банку бриллиантов. Большинство были не очень большие – крупный трудно продать незаметно, – но они ничем не отличались от настоящих. Фритт синтезировал их из графита, изменяя атомную решетку. Он говорил, что графит и алмазы с точки зрения структуры устроены совершенно одинаково и отличаются только атомной решеткой.

Толстый жадно схватил банку с бриллиантами, высыпал несколько штук на ладонь и смачно выругался. Он был опытным вором с большим стажем и сразу сообразил, сколько эти камни могут стоить.

Увидев находку напарника, Скелет забыл о дверце шкафа и, отталкивая Толстого, стал набивать карманы бриллиантами.

– Чтоб мне треснуть! Говорил я тебе, не простая это квартира! Обязательно нужно было сюда заглянуть! – восторженно говорил он.

Опасаясь, что хозяева вот-вот вернутся, воры в спешке стали переворачивать ящик за ящиком, вытряхивая на пол различные вещи, пока не наткнулись на ящик с Нюсякиными игрушками. Сестра потом удивлялась, почему они не взя-

ли куколок, но стащили изумруды и рубины, лежавшие в коробке из-под кубиков. «Я не играю в блестящие камушки, пускай они сами с ними возятся, если такие глупые!» – хихикала потом девочка.

Во время дележки камней воры поссорились, стали кричать друг на друга, и Толстый как более сильный схватил за шиворот Скелета и прошипел: «Не лезь поперек батьки в пекло», – потом добавил несколько других слов, смысла которых дедушка, будучи амфибией с другой планеты, не понял. Но потасовка быстро прекратилась, потому что грабители сообразили, что могут поделить добычу и позже, а сейчас нужно спешить.

Они выскочили в коридор, а оттуда – в мою комнату, где перевернули все вверх дном. Ни компьютером, ни игровой приставкой, ни шлемом голографического эффекта, ни рулем с педалями – симулятором автомобильных гонок, подключаемым к компьютеру, – они не заинтересовались. Правда, Толстый попытался приподнять мою штангу, которой я занимаюсь иногда по утрам, но у него пупок едва не развязался. Что же вы хотите, ведь на грифе висели четыреста восемьдесят килограммов, почти полтонны!

– Что они, блин, совсем с ума сошли? Меня, бывшего штангиста, чуть не убили! – прохрипел Толстый, держась за поясницу и отходя от штанги с побагровевшим лицом.

– Хватит время терять! Ищи золото! Я нюхом чую: оно где-то здесь!

Тем временем Скелет выглянул на балкон, но в ящик из-под овощей заглянуть не догадался, а зря: именно там лежали желанные слитки. Скелет огляделся и замер, как собака-ищейка, напавшая на след.

– Что-нибудь нашел? – окликнул Толстый.

– Посмотри, какая странная штука! Что бы это могло быть?

Внимание его привлек копирователь – одно из давних изобретений Фритта. С его помощью можно было размножить что угодно: от однородных предметов до биологических организмов, получив точно такие же копии. Изобретение состояло из двух частей: правая – эталонная, в нее помещался образец, а во вторую часть в резервуар засыпалось вещество, не важно какое: песок, кирпич, глина, мусор, бумага. Главное, чтобы общая масса загружаемого материала не была меньше, чем вес образца в эталонной, иначе копирование невозможно.

Для мамы название «копирователь» казалось слишком сложным и длинным, и она предпочитала использовать слово «размножилка».

– Забрось-ка в размножилку соли! И не забудь оттираживать мыло для Нюсяки! Если останется песок, отшлепай золотые слитки! – кричала она мне порой, летая с пылесосом по коридору.

Для копирователя я чаще всего использовал песок, зачерпывая его ведрами из детской песочницы во дворе. После

изменения атомных связей и молекулярного строения получалась точная копия того, что было в эталонной. Если я помещал в прибор золотой слиток, то появлялся второй золотой слиток, а если, к примеру, я сунул бы туда живого кота, то не прошло бы и десяти секунд, как на балконе шипели бы друг на друга два совершенно одинаковых кота. Папа запрещал Нюсяке близко подходить к копирователю, боясь, что если она случайно заберется в него, у нас будут две Нюсяки, настолько одинаковые, что не ясно, какая из них настоящая.

Ни Толстый, ни Скелет об этом не подозревали. Заинтересовавшись содержимым тумбочки, которая стояла у нас на балконе, Скелет сделал неосторожный шаг и... наступил в эталонную, которая ему, должно быть, показалась большим обручем. Копирователь зажужжал, снимая параметры объекта, и в резервуаре, в который я вчера загрузил ведер десять песка, началось преобразование материи.

Скелет распахнул дверцы тумбочки и, убедившись, что внутри нет ничего ценного, обернулся. По квартире разнесся оглушительный вопль. Лицом к лицу он столкнулся с тощим небритым мужичонкой в вязаной шапочке, настолько похожим на него, будто это был его близнец.

Двойник, тоже ощущая себя настоящим, завопил, и обе копии, напуганные друг другом, бросились наутек. Они ворвались в комнату и сбили с ног Толстого. Он упал, попытался выругаться, но, заметив толкнувших его близнецов, охрип и смог лишь тихо прохрипеть: «Мама! Двое на одного!»

Потом все трое выскочили в коридор и с перепугу вместо входной двери сунулись в ванную. А там среди пираний в милицейской фуражке сидел наш белобородый дедушка. Он прицелился в воров, выставив указательный палец, и крикнул:

– Пуф-пуф! Вы убиты!

Толстый и Скелет, выпучив глаза, уставились на старика. Апрчун снял свою милицейскую фуражку и, зачерпнув в нее пиранью, сунул жуликам под нос. Воры, захрипев, выбежали в коридор, толкаясь, выскочили из квартиры и загрохотали вниз по лестнице.

Проникнув в их сознание, дедушка понял, что именно напугало воров больше всего. Когда он снял свою любимую милицейскую фуражку, на макушке стал виден его третий глаз, обязательный для всех представителей амфибий на планете Ирксилон. Три глаза амфибиям необходимы, чтобы лучше видеть под водой, где на больших глубинах мало света. Мы-то привыкли к дедушкиному глазу, но представляю, каким потрясением он оказался для воров. Человек в милицейской фуражке со всевидящим оком на лбу и пираньи в ванной – немногие из людей в состоянии, увидев такое, сохранить спокойствие.

– Никогда не думал, что земляне настолько слабонервные! Тоже мне воры! Смылись и небось ничего стоящего не украли! – ворчал дедушка.

Он вылез из ванной, прошлепал в комнату и, к сожалению

своему, убедился, что установка по клонированию динозавров продолжает как ни в чем не бывало грохотать в шкафу. Тогда дедушка раздраженно пнул шкаф ластой, запер входную дверь и, обидевшись на весь мир, заснул, глубоко дыша носом и пуская пузыри.

Вечером, когда мы вернулись домой, Апручун не без язвительности рассказал нам об ограблении, все время злорадно повторяя: «Я же вам говорил!» Помню, мы расстроились, но не потому, что у нас пропало много ценного, а потому, что посторонние люди могли узнать о некоторых странностях нашего семейства. Разумеется, никакую милицию мы вызывать не стали, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Сотней бриллиантов больше, сотней меньше – какая разница! Всегда можно наштамповать новые! – решительно сказала мама, узнав о краже.

– Тебе легко говорить, а мне песок ведрами таскать! – обиженно возразил я. – На меня и так в подъезде, как на дурака, косятся, когда я тащу полные ведра. Нормальные люди мусор из дома носят, а я в дом.

– А ты ночью таскай, когда все спят! – посоветовал папа. Вот и все его сочувствие!

На другой день Фритт вызвал мастера и сменил на входной двери замки. Мы думали, что нам больше никогда не придется столкнуться с Толстым и двумя Скелетами, но ошиблись.

Глава 4

У НАС ДОМА РОЖДАЕТСЯ ТИРАНОЗАВР ШПРОТ

Пугливый прохожий идет по кладбищу, а навстречу ему старичок.

– Не подскажете, который час? – просит старичок.

– Пять вечера.

– Ай-ай-ай! Значит, я опять вылез из склепа раньше времени!

Современный анекдот

Третьего февраля на втором уроке я сидел в классе и решал контрольную по математике, вернее, делал вид, что решаю, а сам придумывал промежуточные действия, которые следовало вписать, чтобы появился ответ.

Честно говоря – не обижайтесь, пожалуйста! – ваша земная математика бестолкова, в ней полно дурацких правил, законов и уравнений с иксами и игреками, в которых запутаться – раз плюнуть. Проблема землян в том, что они до сих пор не овладели навыком интуитивного знания, которое известно большинству цивилизаций, населяющих Вселенную.

Я точно не знаю, как к нам приходят интуитивные знания, но, когда я вижу уравнение или ряд чисел, меня осеняет вне-

запное прозрение, и в моем сознании, минуя промежуточные действия, вспыхивает правильный ответ. Папа говорит, что дело здесь в генетической памяти и что через пару тысяч лет такая память может развиться и у землян.

Но в школе интуитивные знания мне только мешают. Например, с теми же контрольными. Я записываю ответ, отдаю учительнице и, как вы думаете, что получаю? Тройку или двойку! Нашей математичке Инне Ивановне, по прозвищу Икса, нужен «ход моих рассуждений», те самые бесполезные действия, которых у меня нет. А без «хода рассуждений» Икса считает, что я списал правильные ответы из учебника.

Я сидел на контрольной и ломал голову над длинейшим бессмысленным уравнением, которое в результате, как подсказывала мне интуиция, должно было сократиться до $x = 2y$. Но тут в класс постучали, и вошла завуч Лидия Порфирьевна.

– Иванчук, к телефону! – крикнула она.

Иванчук – это я. Эту фамилию мои родители придумали сто двадцать лет назад, когда поняли, что им придется остаться на Земле.

По классу прокатился удивленный шепот. Согласитесь, редко бывает, чтобы среди урока учеников звали к телефону! Во всяком случае, на моей памяти таких случаев не было. Я вскочил и, забыв про рюкзак с учебниками, бросился к двери. Мишка Урсуфьев, завидуя, что я ухожу с контрольной, попытался было подставить мне подножку и задержать

за свитер, но немедленно поплатился. Не оборачиваясь, я сдернул Урсуфьева со стула как морковь с грядки, и он протащился за мной по полу метра два или три.

Пораженный, он так и остался лежать на полу, изумленно глядя мне вслед. А я уже мчался по лестнице к учительской.

– По-моему, у вас кто-то заболел! Твоя мама сказала: кому-то плохо, – сочувственно покачала головой завуч.

Я схватил трубку и услышал мамин голос.

– Как вы там? Кому плохо? – крикнул я.

– Всем плохо, – жалобно сказала мама. – Тираннозавр разбуянился. Быстрее приходи!

– Ти... – начал было я, но вовремя спохватился, вспомнив, что я не один в учительской. – Разве он уже расклонировался?

– Нет времени объяснять! – возмутилась мама. – Он сейчас буянит в коридоре, а я звоню из комнаты!

– Где папа?

– Они с дедушкой заперлись в ванной! Или он их сожрал, я ничего не понимаю! Приходи и будь осторожнее!

В трубке раздались короткие гудки. Я понял, что дело серьезное, и со всех ног помчался домой, едва успев схватить из раздевалки куртку. «Подумать только! – размышлял я на бегу. – Едва вылупился, ему всего час от роду, а он уже создает проблемы! Интересно, не сожрал ли он Нюсяку? Если нет, нужно будет ее на всякий случай скопировать. Тогда, если он одну съест, останется другая».

Взбежав по лестнице, я открыл дверь, глубоко вдохнул, набираясь мужества, потом резко дернул ручку и впрыгнул в коридор.

Едва я миновал порог, как на меня бросился небольшой ящер. Я успел рассмотреть два любопытных глаза с мигательными перепонками, как у птиц, красноватую чешую и мелкие зубы, которыми он пытался в меня вцепиться. Но я набросил ему на морду куртку, которую успел снять заранее, схватил тираннозавренка в охапку и, слегка встряхнув, потащил в свою комнату. Ящер отчаянно вырывался, издавая гневные гортанные звуки. И, не прибегая к интуитивному знанию, можно было догадаться, что они означали. Юный тираннозавр буянил и требовал дать ему возможность сожрать меня если не полностью, то хотя бы частично.

Но в то время я был сильнее упрямого ящеренка. Это сейчас Шпрот весит тонн десять и достиг высоты третьего этажа, а недавно, забравшись на крышу пустого троллейбуса, продавил его, как простую консервную банку. А в тот день я засунул появившегося на свет тираннозавра в шкаф и запер.

Послушав, как он колотит внутри хвостом, явно намереваясь просадить стенки, я поднял с пола куртку, которая оказалась изорванной зубами и когтями новорожденного буяна. С ужасом вспомнив о родителях, я бросился в ванную. Дедушка и папа долго боялись мне открывать, навалившись изнутри на дверь, пока не поверили, что это я. Когда же наконец открыли, я убедился, что они живы и здоровы, толь-

ко папа был красный, злой и сконфуженный, оттого что все то время, пока они были заперты вместе, Апручун неустанно пилил его и занимался промывкой мозгов.

Оставив освобожденных озираться в коридоре и подозревать за каждым углом притаившегося зубастого ящера, я метнулся в комнату. Я ожидал найти маму в слезах или израненную, но вид у нее был вполне бодрый. Сидя с Нюсякой на шкафу, мама слушала, как сестра бойко читает вслух энциклопедию по биологии. Когда я вошел, то услышал:

– «Тираннозавр – крупнейший наземный хищник из всех, которых когда-либо знал мир. Размеры взрослой особи: высота – пять метров, длина – десять метров. Вес – десять тонн. Метровой длины челюсти тираннозавра вооружены сотнями острых, как ножи, зубов. Ими тиранозавр мог бы легко вспороть слону живот и унести носорога в пасти. Бегал тираннозавр на двух задних ногах, и чудовищные лапищи отмеривали гигантские четырехметровые шаги. От его зубов многие ящеры, по примеру стегозавра, спасались только благодаря своей окостеневшей коже».

Хотя я знал это и раньше, но не стал перебивать сестру, пока она не дочитала отрывок.

– И зачем вы забрались на шкаф? – поинтересовался я, когда Нюсяка захлопнула книжку.

– Чтобы он не допрыгнул, если сломает дверь. А где папа и дедушка? Их уже съели? – с непосредственностью пятилетнего ребенка поинтересовалась сестренка.

– Объявляю ультиматум! – сказала мама, взлетая со шкафа и опускаясь на пол. – Или мы немедленно отдаем его в зоопарк, или я сама ухажу и живу на улице!

– Как мы объясним в зоопарке, откуда он у нас взялся? – вполне логично спросил я. – Сразу придется отвечать на множество вопросов, в том числе и на тот, как к нам попало яйцо тираннозавра.

Мама поняла, что я прав, и вздохнула.

– А если его подбросить? – спросила она робко, понимая, что это невозможно. Подбрасывают котят, а сделать такое с динозавром попросту несолидно.

На состоявшемся экстренном семейном совете было принято решение: а) динозавренка оставить и приручить; б) приручение ящера доверить дедушке.

– Что?! Почему мне? – вскричал Апручун.

Но у собравшихся нашлись два аргумента: а) он приручил пираний; б) животные лучше понимают телепатов, а этот дар только у дедушки, – следовательно, ему и карты в руки.

Способностью передавать мысли на расстояние обладают все амфибии нашей планеты. Только так можно общаться под водой, где голосовые связи бесполезны.

После долгих уговоров деда, зажавшего уши пальцами и бубнившего: «Ни за что!» – когда мы, вытаскивая палец, кричали в самое ухо: «Надо!» – нам кое-как удалось убедить упрямец попробовать приручить тираннозавренка. Пощипывая себя за бороду, дедушка подошел к буйнившему

в шкафу и стал сосредоточиваться. Апрчун тужился минут пять, тер пальцами лоб, сопел и наконец сказал:

– Тираннозавренок голодный. Прежде чем приручать, нужно его накормить, иначе он будет смотреть на нас как на добычу.

Мы отправились на кухню, вытащили из холодильника большой кусок говядины и принесли его в комнату. Надев на руку толстую перчатку, я приоткрыл дверцу и сунул мясо внутрь. Немедленно острые зубы вцепились в кусок, и мне едва удалось отвоевать перчатку.

Сначала из шкафа послышалось плотоядное чавканье, но скоро удары хвостом в дверцу возобновились. Дедушка сжал виски ладонями и вновь сосредоточился.

– Он не наелся. Нужно дать ему еще, – глубокомысленно произнес наш телепат.

Я принес из холодильника сразу несколько кусков и последовательно стал отправлять их в шкаф. Хорошо, что на балконе у нас был копирователь, иначе никаких запасов не хватило бы. Я уже не надеялся, что обжора когда-нибудь насытится, как вдруг из шкафа донеслось сытое икание, и очередной кусок мяса остался не востребованным.

Вооружившись швабрами и толстым одеялом, мы открыли шкаф ровно настолько, чтобы туда проник свет. Я увидел тираннозавренка, который смотрел на нас тупым взглядом. От еды живот у него раздулся, и он так отяжелел, что не мог даже колотить хвостом.

– Пожадничал! – пожалела его мама.

Сытый ящер икнул, соглашаясь с ней.

Чуть позже, немного привыкнув к нам, он разрешил мне и бабушке дотронуться до своего чешуйчатого бока, приглушенно щелкнув при этом зубами. Папа, Нюсяка и мама пока не решались погладить динозавра.

– Давайте назовем его Шпротом, – предложила сестренка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.